

Краткому предстоящему тексту предшествуют многие годы минувшего столетия, весь этот иссякающий... вот уже иссякший день... зреющая и слабеющая ночь... новый крепчающий, еще незримый не рассветший день. Предполагаемому любознательному читателю признаюсь, что я давно уже сижу при усталой заскучавшей лампе — столь же усердно, сколь бесполезно. Почему? Не спросишь у пера и бумаги, претерпевающих вопросительное ожидание.

О себе я знаю лишь то, что щедро оснащена даром восхищенно любить талант других людей, другого человека. В сей мой предутренний час мысль души совершенно сосредоточена на Георгии Владимове. Заметна ли ему эта пристальная мысль души? Пригодна ли ему? Угодна ли?

История невятного посвящения берет исток в далеких предгорьях жизни, в давней молодости. Ярko и выпукло помню и вижу, как, прочитав повесть «Три минуты молчания», дерзко напрямик подошла к издали знакомому Владимову и сказала приблизительно вот что: «Я восхищаюсь Вами. Вы — замечательный писатель». Пустые любезные слова. Но дело было в моих минутах молчания, успешных зорко оценить его лицо, облик, осанку и осенивших меня тревогой и неопределенным предчувствием. Моя шутка: хороших предчувствий не бывает. Предчувствие или предзнание не преминули возрастая и сбываться.

Время, для кого-то удобно и прочно недвижимое, для кого-то — тягуче безвыходное, не обращающая внимания ни на тех, ни на других, незримо и сильно шло и убедительно объясняло, что быть не только замечательным писателем, но даже его собратом и современником — удел весьма непростой, ответственный и суровый.

Георгию Владимову предстояли испытания столь серьезные и опасные, что мне теперь труднее вспоминать и писать о них, чем тогда быть неразлучно вблизи, приходиться ему посильным соучастником и сподвижником (вместе с художником Борисом Мессерером). Эти обстоятельства я могу причислить к скорбной прибыли и удаче моего жизненного сюжета.

У меня было много счастливых возможностей любоваться безукоризненными и непреклонными доблестью, честью,

Посвящение Георгию Владимову

Известному писателю исполнилось 70 лет

Общая газета. — 2001. — 22 февр. — с. 10

благородством, отвагой — ныне столь знаменитого и почитаемого автора. Вкратце упомянутые мной черты и свойства — всего лишь неотвратимые и неотъемлемые качества того, чей талант — драгоценен, кто и есть Писатель, в точном, прямом, праведном, высоком значении призвания и звания, ранга и долга.

Может быть, и повсюду так, но про наше отечество мои сведения достоверны. Судя по премии Букера, коей отмечен роман «Генерал и его армия», — я далеко не единственный почитатель и пониматель Георгия Владимирова.

Для меня заглавно важно, что герой моего писания, героиче-

ский сведущий во многих трагедиях времени, войнах и войне — художник, полководец слов и образов, сотворенных им. Иначе бы все это относилось только к истории или литературоведению и этот, давно возросший, солнце-морозный день не имел во мне никакой нужды и надобности.